

Андрей Малышев

ЖИТЬ ПО ПРАВДЕ

Вологодские повести
и рассказы



Андрей Малышев

**Жить по правде. Вологодские
повести и рассказы**

«Accent Graphics communications»

2015

Мальшев А. В.

Жить по правде. Вологодские повести и рассказы /
А. В. Мальшев — «Accent Graphics communications», 2015

Я уже стал забывать, когда это было. И память всё чаще тербит меня, словно бы спрашивая: а было ли? Но было, правда, было. Помнятся рыбацкие зорьки, дышащие медовым разнотравьем заливных лугов, и просиживание на ароматно пахнущих древесной смолой плотках – бонах, тех самых, подогнанных на буксирах по Сухоне-реке к берегу деловитыми речниками на неспешно идущих по чистой воде речными тягачами «РТ», из динамиков которых несло раздольное и гремящее над рекой «Ох, как хорошо-хорошо!».

© Мальшев А. В., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Родина	7
На Саланге-реке	11
Акула	13
Айк	15
Постовой	18
Кузьминична	20
У костра	25
Искушение	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Малышев

Жить по правде. Вологодские повести и рассказы

*Моим любимым Маме Лие Вячеславовне, Папе Валентину
Николаевичу ПОСВЯЩАЕТСЯ*



1963



Истина освобождает!

Андрей Валентинович Малышев



Родина (Родом из детства)

Я уже стал забывать, когда это было.

И память всё чаще тербит меня, словно бы спрашивая: а было ли?

Но было, правда, было.

Помнятся рыбацкие зорьки, дышащие медовым разнотравьем заливных лугов, и просиживание на ароматно пахнущих древесной смолой плотках – болах, тех самых, подогнанных на буксирах по Сухоне-реке к берегу деловитыми речниками на неспешно идущих по чистой воде речными тягачами «РТ», из динамиков которых несло раздольное и гремящее над рекой «Ох, как хорошо-хорошо!».

Помнится, стояли такие плоты и у нас в районе Печаткино нашего небольшого пятидесяти тысячного города Сокол, что на Русском Севере Вологодской области. Стояли эти плоты у самого берега напротив деревянных, по сути, деревенских домиков, смотревших окнами на реку. Между берегом и плотами, как правило, находилось расстояние четыре метра и по брёвнам-мосткам рыбацки, идя в «атаку» на рыбу, штурмовали эту временную, зачастую ненадёжную переправу.

Среди рыбацков своим внешним колоритным видом выделялся пожилой рыбак «Бешеный Серёжа», как его называли рыбаки. Старый инвалид той самой страшной войны, участвовать в которой доводилось многим нашим дедам и близким.

Как-то я спросил его: – Дядь Серёж, а почему вас называют бешеный?

Старый рыбак, пере забрасывая уду, как-то по-своему, блаженно улыбаясь, простодушно изрёк: – Да не я себя так назвал, а соседи-рыбаки, видя, какой клёв у меня бывает – бешеный!

И действительно, на плоту, густо облепленном, словно птичками, рыбаками с удочками, донками и подпусками, клевало в основном у «Бешеного Серёжи», который то и дело выдёргивал довольно-таки крупную и разнообразную рыбёшку из таинственно поблёскивающих вод Сухоны. Другие рыбацки, что соседствовали с ветераном, довольствовались стандартным бесклёвьем, с завистью поглядывая на серебристую рыбку, то и дело снимаемую с крючка старым рыбаком. Чтобы не мешать, я отошёл в сторону и, уединившись, забросил свою удочку в водный прогал между берегом и плотом. К счастью рыбаков «Бешеный Серёжа» освободил своё клёвое место и неожиданно подошёл ко мне, расположившись поблизости. Учитывая, что у меня не клевало, я был рад такому соседству.

– Не помешаю? – обратился ко мне старый рыбак, – Не против моей компании?

– Нет, что вы, – смутился я, – располагайтесь, вон сколько места ещё свободного.

– Спасибо, – коротко поблагодарил меня ветеран и спросил, – как звать-то тебя, паря, величать?

– Андрюха, – робко представился я и отчего-то, по-предательски так, покраснел.

– Да не робей ты, паря, – добродушно улыбнулся «Бешеный Серёжа», явно увидев во мне не только мальчугана, но и собеседника, – давно я подметил, что ты по утрамке со мной по соседству рыбалишь, молодец, хорошее это дело – рыбалка!

– А то! – горделиво согласился с ним я, – Рыбалка поинтереснее чтения Фенимора Купера бывает!

– Согласен, – кивнул мне по-приятельски так пожилой рыболлов и затем, словно бы, спохватился, – постой, паря, вот я с тобой баю, да баю, а ты, чай, голодный, не завтракал небось?

Несмотря на все мои робкие и уважительные отказы, старый рыбак уверенно достал свою нехитрую снедь: несколько бутербродов с колбасой, зелёный лук, варёные яйца да две неболь-

шие бутылочки с каким-то домашним компотом. Поделив по-братски свой завтрак на двоих, мой товарищ по рыбалке уверенно протянул мне мою долю:

– Кушай, паря, а то худющий, как грач! Рыбалка – это работа, не токмо отдых, а коли робишь, то и есть должен.

Взяв предложенный завтрак, я коротко поблагодарил своего старшего товарища.

– А вообще-то, Андрюша, – нарушил недолгую паузу старый рыбак, – правильно делаешь, что рыбалишь! Сам-то я родом с деревни Казариново, что на Сухоне стоит, сейчас там тоже такие же плоты речники гоняют, а рыба там – загляденье! Лещи там крупные, не чета здешним, одно слово – Кубеноозеро рядышком, а там рыбы много! Да и вода там чище, хотя и здесь ещё не так плоха.

С этими словами мой старший наставник зачерпнул в ладони чистую воду матушки Сухоны-реки и с наслаждением испил её всю, до последней капли.

– Да, хороша водица, – улыбнулся ветеран, затем немного помрачнел, – правда вот заводы и комбинаты портят её, но может быть уразумеют люди, что нельзя губить то, что дано нам свыше!

– Дядь Серёж, – не утерпел я, – а в город вы давно перебрались из деревни, и вообще, как она жизнь деревенская?

– После войны, Андрей, – степенно отвечал старый рыбак, – после её, проклятой, и перебрался в город, хотя сейчас жалею об этом. Ну как тебе сказать? Ой, как не хватает мне порой нашей деревенской жизни, ранних утрешних покосов по юной росе, пения ленивых позаутрешних деревенских петухов, запаха русских полей, лугов, лесов, реки и озера, и всего того, что неуловимо, но правильно зовётся Родиной. Понимаю иногда, что снявшись, как птица, со своего гнездовия, утратил я какие-то истоки старой силы, которая во мне была. Хотя, вестимо, сила в другом есть.

При этих словах старик выразительно посмотрел на небо и замолчал.

Стало жарко и июльское солнышко, ласково пригревая, заставило нас снять свои рубашки, словно бы говоря «Позагорайте, ребята!».

Посмотрев на пожилого рыбака, я содрогнулся: по всей его обожжённой и сгоревшей спине ужасными рубцами белели незаживающие раны той самой страшной войны.

Перехватив мой взгляд, старый рыбак печально улыбнулся:

– Не пугайся, паря! На Курской Дуге в танке пришлось гореть, бой был страшным! Когда кончались снаряды, ребята таранили «тигры» и «пантеры», и горели, горели...

Ветеран отвернулся от меня, и мне даже показалось, что одинокая слеза сиротливо блеснула на его щеке. Впрочем, отставной танкист быстро взял себя в руки, стряхнув не прошенную слезинку.

– Помнишь, – заговорил со мной, словно бы преодолевая себя, старый ветеран, – недорассказал тебе, почему уехал из деревни в город, так вот, слушай... Была у меня до войны зазнобушка любимая там, Шурочка... Баская такая, одно слово – красавица! Ох, сживали мы с ней на реке, и дролюшкой единственным она меня называла. Все туманы и рассветы, все утрешние и заутрешние певуны-соловьи, все были наши, уж и в сельсовет заявление подали, чтоб расписаться... А тут она, проклятая... война...

Помолчав немного, старый танкист горестно вздохнул.

– Так получилось, – после недолгого молчания продолжил свой грустный рассказ ветеран, – что после того, как я ушёл на фронт, так и моя Шурочка записалась в медсанбат... Так вот, когда горел я в той самой «тридцатьчетвёрке», после того как «тигр» на таран взяли, смотрю, в кабине всё плавится, всё горит, а ребята из экипажа... Все до единого... Короче, один я из нашего экипажа остался... Вылез из танка, к нашим ползу, а всюду бой! И вдруг, словно бы из ниоткуда, сестричка наша милосердия, меня увидев, сразу же ко мне, укол вко-

лола, бинтами кровь остановила... Посмотрел на неё и радостно содрогнулся: то ж Шурочка моя!

Ветеран посмотрел на меня и улыбнулся, вспоминая: – Обнялись мы с ней, и стала она значит меня на себе вытаскивать, потому что я и ползти-то как следует не мог... И вдруг «ишак» – фашистский реактивный миномёт накрывать нас стал, и Шурочка... короче, накрыла она меня собой, и все осколки, те, что мне предназначались, на себя приняла... Так-то вот, паря... А меня спасли, хотя лучше бы... Вот и не смог я жить без неё в нашей деревне, где всё бы напоминало о ней, так вот в город и перебрался...

Я заметил, как старый рыбацёк достал из своей рыбацкой сумки кусок хлеба и стал подбрасывать его в воду как прикормку рыбам и чайкам, налетевшим на дармовое угощение. Неизвестно откуда к нам прилетел и сел на плоты белоснежный голубь, который воркуя, пел нам свою простую и душевную песню. Выслушав бесхитростную песню белокрылого красавца, старый танкист накормил хлебом и голубя, и счастливо как-то улыбнулся. Тем временем, глянув на удочки, я заметил, что поплавок удочки ветерана неведомая рыба утянула на глубину, впрочем, это заметил и мой старый напарник, который подсёк и вытащил крупного горбатого, явно озёрного, килограммового окуня!

Наша рыбалка продолжилась!

– Скажите, в чём ваш секрет? – не утерпев, спросил я старого рыбака, у меня под носом вытаскивающего на удочку одного за другим крупных подлещиков, – Может червя чем-либо смазываете, или слово какое заговорное знаете?

Старый рыбак хитро улыбнулся в свои усы и бороду, перезабрасывая удочку.

– Хорошо, – нарушил ветеран войны и рыбалки своё недолгое молчание, обращаясь ко мне, – что ты видишь?

Я недоуменно посмотрел на него. Действительно, что я вижу?

Я посмотрел на поплавок, белеющий яркой точкой на зеркальной глади воды, в которой, кажется, отразилось всё: и растущие на берегу плакучие ивы, грациозно целующиеся своими ветвями с неспешно бегущей серебристой водой, и белоснежные облака, и деревенские избы, отражённые в таинственной глади воды.

Что я видел?

– Красоту, – робко и восхищённо ответил я старому рыбаку, – я увидел красоту!

– А что это? – улыбнулся старый рыбак, – как бы это ты иначе назвал?

Взглянув на расходящиеся круги от гуляющей рыбы у моего поплавка, я предположил: – Красивое место, в которое хочется возвращаться вновь и вновь, и которое запомнится навсегда!

– Родина это, парень, – с какой-то нездешней грустинкой дал определение всему тому прекрасному, что я и он сейчас созерцали, – просто родина, твоя земля., место, где ты родился, где род твой. Там, где тебе хорошо, где тебя всегда ждут, где сердце и душа твоя, там и родина твоя!

– Это я понял, – согласился с ветераном я, – а в чём ваш секрет?

У старого рыбака клевало: его поплавок внезапно лёг на поверхность, затем резко ушёл под воду. Точно выверенным движением «везунчик» подсёк рыбу и не торопясь подвёл и достал из воды серебристого килограммового леща!

– В чём секрет, паря? – переспросил меня, довольно улыбаясь, рыбак, – А он прост, вот скажи, а может быть дороже что-либо или кто-либо твоих родителей и даже Родины?

Я засомневался в своём ответе, честно признавшись, что, мол, не знаю. На нашем небольшом заливчике, перегороженном плотами, сверкая на солнце чешуёй, гуляла и плавилась на поверхности воды неведомая рыба.

– А весь секрет мой, – раскрыл-таки свою тайну старый рыбак, – в том, что я Бога поминую и... Родину. Прихожу на реку и прошу: Боже Святой! Помоги мне с рыбкой, и ты матушка-река не подкачай, вот всё у меня и получается! Таков мой секрет, паря, попробуй, не ленись!

Задумчиво посмотрев на старого рыбака и поняв, что он не шутит, я повторил про себя его слова. Не знаю, может и случайно, но в ту же секунду мой поплавок скрылся из виду, плавная подсечка и вот в моих руках играет на солнце серебром и исполняет свой танец долгожданный подлещик!

И пошло, и поехало!

Что ни заброс – поклёвка! Да, секрет старого рыбака работает! Вот уже и полиэтиленовый пакет не вмещает пойманную рыбу, а она всё клюёт и клюёт!

Доставая и сматывая удочку, я со словами благодарности посмотрел на старого ветерана: – Спасибо за секрет, дядя Серёжа, он настоящий, истинный!

– Да я что, ничего, – простодушно улыбнулся в ответ старый рыбак, – пользуйся и запомни: по истине своей никогда не отступай от правды и не соглашайся со злом, иначе кровь Бога святого и на тебе будет, а этого допускать нельзя. Иди, паря, с Богом, иди.

Посмотрев вокруг, словно бы запоминая надолго, навсегда, неброскую красоту родной природы, глядя на зеркальную воду, в которой купалось как-то по-детски солнышко, я обернулся и посмотрел на счастливо улыбающегося старика.

– Да, теперь я понял, что значит Бог и наша... Родина!

Неспешно как-то, словно бы по мановению чьей-то волшебной руки, на небе установилась, даже без капельки дождя, прекрасная радуга, таинственно отразившаяся в зеркальных водах матушки Сухоны-реки.

На Саланге-реке

Памяти близких: Расторгуевых Вячеслава Ивановича, Анны Кирилловны и Мельничук Агнии Вячеславовны Посвящается

Ранним утром в одной из изб в северной деревне-деревушке Сергиевка, что затерялась на необъятных просторах Тарногского района Вологодской области, зажётся свет.

– Ну, куда вы ни свет ни заря, – укоризненно смотрела на своих внуков Андрея и Николая их бабушка Анна и продолжала своим певучим окающим вологодским говорком, – спали бы ишо, робята, сумерешно ишо так, что даже загороды не видно, а я вот робить буду, робота меня ждёт, на поскотине серавок обряжать буду.

С этими словами бабушка вышла из дома, подзывая к себе во дворе овец: – Чака, чака, чака!

– Ну что, орлы-орёлики, – с любовью посмотрел на своих внучков их дед Слава, – хоть и сумерешно ишо, но до Саланги-реки путь неблизкий, собирайтесь, Андрюша, Николаша, впрочем, вам мамани и без меня помогут.

Сёстры Лия и Агния споро и быстро одевали своих сыновей, подготавливая их в дальний рыбацкий поход, перед этим накормив рыбацков и приготовив им бутерброды на дорогу.

– Всё, тятя, одеты, – улыбнулась своему отцу Агния и с любовью погладила сына Колю по его тёмным волосам.

– Ну ты, славнуха, пригожая, – привечал и в самом деле красавицу-дочь её отец, – быстро обрядились, молодцы! А чуни-то, чуни какие баские и знатные у внучков, одно слово – городская обувка, молодцы, девки!

– Спасибо, папа, – с любовью посмотрела на батяню красивая, как испанская цыганка, старшая дочь Лия, – до вечера-то хоть управитесь, мы к ужину ждать вас будем.

– Вернёмся, Лия, не беспокойтесь, – заверил их отец и одёрнул баловавшегося непоседу младшего внука, – счунься, остановись, Николаша, что ты как векша изгиляешься! Зря что-ли тебе седни баял, если будешь варзать – не возьму на Салангу-реку! Смотри, в чулане будешь ночевать, поперешный такой, вместо реки-то, чтобы неповадно было! И зачем ты вчерась соседку вельмой обозвал, какая она тебе ведьма?!

Маленький Никола после замечания дедушки и в самом деле успокоился и перестал шалить.

– Ну а топерича, – испытующе посмотрел на детей дед, – уды и червяков возьмите и айда за мной, и чтобы не стонать и не шебуршать по дороге, хоть и неражая дорожка-то будет. За мной идти как маяка держаться, лесок там небольшой, в нём я как огломызда буду!

И в самом деле, их дед Слава был самым настоящим «огломыздой», то есть по деревенскому языку ну очень высоким человеком, и как только с его ростом он в кузне управлялся! Выйдя с внуками из избы, они пошли по направлению к дедовой бане, что стояла на отшибе деревни за загородой – забором околицы, в аккурат на границе колхозного поля. Идя по поспевающей ржи, любуясь синими-синими, как ясное небо, васильками, «молодоотделение» деда уверенно вступило в лес и пошло по лесным тропам, известным только Богу и их деду.

– Вот ты падина, плохая какая, – беззлобно выругался дед, споткнувшись о лесной пенёк, и посмотрел на детей, – осторожней идите, робята, под ноги смотрите, тропинка неражая, плохонькая, да и в лесу сумерешно ишо, сам иду как слепой на перегороду, ничего не вижу.

Да, тропинка и в самом деле была неприметной, и в утренних сумерках идти по ней надо было осторожно. Впрочем, не успев как следует устать, рыбацкое отделение подходило к месту их отдыха и рыбалки. Саланга-река показалась внезапно, стояло лишь закончиться лесу. Вид её был очарователен и прекрасен: лесная красавица несла свои чистые и прозрачные воды

посреди необъятной вологодской тайги. Где-то она была широка, а местами, минуя свои протоки и глубокие ямы-бочаги, превращалась в небольшой мелководный ручей, который весело журча, гнал свои хрустальные студёные воды по выступающим камушкам грунта реки. И в этих местах лесную речушку запросто можно было перейти вброд, нисколько не рискуя при этом.

– Ну как? – спрашивал дедушка у детей, – Баско здесь?

– Да, красиво, – согласились с ним его внучата.

– Вот, робята, – поучал своих внуков дед Слава, показывая им таёжную речку и рассказывая про её рыбацкие секреты, – в этой яме, а здесь шибко глыбоко, щучина агромадная живёт, здесь лучше не купаться, а вон там на малой воде пескариный рай!

Дед, посмотрев на внуков, широко улыбнулся.

– Впрочем, – нарушил недолгую паузу дедушка, – пришли мы сюда не за щукой или пескарями, этого добра и в Сухоне-реке хватает! Ловить мы с вами, братцы, хайрузов станем, знатными хайрузятниками вас сделаю, даже не сомневайтесь, потому как хайрузов и хайрузят здесь немеряно!

Подойдя к мелководному и широкому ручью с быстрым течением и хрустально-чистой водой, старый рыбак забросил свою насадку в беловодье Саланги-реки. Не прошло и минуты, как рыбак подскёк неведомую рыбу и осторожно подведя её к берегу, выбросил её на прибрежные камни. На мелкой гальке прыгала довольно-таки крупная пятнистая, как форель, поблёскивающая на солнце своей чешуёй красивая и гордая рыба, раскрывшая диковинный для детей свой парус-плавник.

Хариус!

– Ну, вот мы и обрыбились, робята! – радостно изрёк их дедушка, весело посматривая на внуков, – Знатного я хайруза зацепил, теперь и вы попробуйте такого же изловить, зря, что ли уды от самой деревни несли!

Подойдя к берегу искрящегося на солнце ручья-переката, дети обомлели: в чистоте родниковых вод Саланги-реки они заметили множество мелких и крупных хариусов, которые тыкались в камни и грунт реки, разыскивая свой утренний корм, лениво перекатываясь на быстринке ручья.

– Вот это да! – восхитился старший брат Андрияша, посмотрев на младшего, – В воде всё видно, как на ладони!

И действительно, наши юные рыбацки принялись ловить диковинную для них рыбу, наблюдая не сколько за поплавками, а ясно видя, как подходящая рыба брала в рот наживку и заглатывала её. Поэтому никакого труда не составляло удачно подсекать и выбрасывать на берег трепыхающихся на тонкой лесе изловленных красавцев-хариусов.

Да, рыбалка удалась!

Наловив большое количество разновеликих хариусов, которых они видели впервые, братья счастливо переглянулись – рыбалка удалась на славу!

– Слава Богу! – задумчиво посмотрел на небо и перекрестился их старый дед, – Не подвёл Святый, дал порадовать внучков! Ну что, робята, есть Бог на свете, порыбалили мы, топерича пора и честь знать, да домой топать. Молодцы мы с вами, внучата, так и скажем, молодцы!

В небе над счастливо улыбающимися рыбацками, в ответ им улыбалось и светило ласковое солнышко, да где-то за лесом раскинулась широкая радуга, даря надежду, веру и любовь!

Акула

А собрались как-то рыбачки в незапамятные времена порыбалить на Кушту-реку, которая несёт свои чистые воды в самой глубинке Русского Севера Вологодской области. Справно так собрались, и снастями различными, прям скажем, затарились, и провизией, и тем, что покрепче. Были у них и удочки, и спиннинги, и сети. Короче говоря, всё было. Дело было уже по-летнянке, нерест уже закончился, поэтому кидали наши рыбачки свои блёсны и насадки куда ни попадя, да вот, правда, всё зря. И не клевало у них, и хищник, как говорится, на блесну не садился. Совсем заизнемогли рыбачки: как же вечер, а рыбы нет, даже на ущицу и на пробу коту не изловили они ничего!

Что делать?

– А если сеткой попробовать? – предложил один из рыбачков, – Зря что ли лицензию на сеть брали?!

Вначале было слово, это верно сказано.

Что ж, сказано – сделано. Накачали наши рыбаки резиновую лодку, хорошо так накачали, и столкнув своё плавсредство в воду, поставили-таки сеть от берега и до небольшого островка, в аккурат по самому мелководью. Правда вот с сетью вышла небольшая промашка у них: вместо того, чтобы выставить сеть на рыбью мелочь, поставили они сеть на самую, что ни на есть, крупную рыбу. В итоге ловила гигантская 80-миллиметровая ячея долго, упорно и безрезультатно. И там, где мелконькая 25-миллиметровая сетка была бы уже полностью забита мелкой рыбёшкой, их горделивая снасть под огромную и крупную рыбу царственно молчала и не шевелилась, поплёскивая на заходящем солнце своими непотопляемыми большими поплавами.

А раз на их рыбалке наступил, что называется длительный перекур, так наши рыбачки, разведа костёр на самом берегу реки, делились своими нехитрыми рыбацкими побасёнками.

– Вот у меня, братва, – вступал в разговор неугомонный дед Сидор, – в Тарноге и Тотьме родня есть, так вот случай от них знаю. К рыбалке отношения особенно он и не имеет, но рыбка в нём будет. Кстати, знаете как переводится со старого финно-угорского наречия Тотьма? Не знаете, эх вы! Тод – колдун, ма – река... Так вот и переводится: река, на которой живёт колдун...

Хитро посмотрев на всех и улыбнувшись в свои седые бороду и усы, Сидор Матвеевич степенно и не торопясь продолжил свой рыбацкий рассказ: – Давненько это было, ещё при царе-батюшке, по Сухоне-реке и до Тотьмы и до Тарноги и куда подалее ходили старые колёсные пароходы. Так вот, баюкала одна молодая мамочка на руках своего ребёнка на палубе парохода, да не удержала растяпа и обронила дитя прямо в воду...

– Ну и что, – нетерпеливо перебил его конопатый Гришка, – утоп малец?

– Эх, если бы утоп, – с сожалением глянул на молодого товарища дедок и с какой-то грустью продолжил, – нет, не утоп малец в тот час, видно планида така на роду ему зроблена была... Поднялась с глубины реки гигантская щука, прям большая белая акула, что по телику показывают, и проглотила ребёнка не хуже заправского крокодила, а потом вглубь ушла! Говорят, мамаша та, увидев такое, с ума сошла, вот как люди бают... Хотя, впрочем, даже по мне, чудно всё это и невероятно.

– Ну, старик, – с недоверием покосился Григорий на дедулю, – ты это загнул, дед Сидор! Чтобы у нас на Сухоне водились такие щуки и ели младенцев! В жизнь не поверю, пока сам такую рыбину самолично не увижу! Вот так!

– Эх ты, Фома неверующий, – огорчительно глянул на конопатого мужичка дедок, – не каждому дано увидеть её, если она и дожила до наших дней! Впрочем, всё во власти Божией!

После этого все замолчали. Кто-то поглядывал на блики костра, зачарованно подсвечивающего ранний вечер. Кто-то любовался прекрасными видами залива и речной панорамы,

щедро приправленной сосенками и елями, окружившими все берега неспешно несущей свои чистые воды Кушты-реки.

Вдруг небольшое озерцо-залив между большой землёй и островом закипело от игры неведомо откуда взявшейся огромной рыбины, и внезапно на поверхности показался огромный, как у большой белой акулы, верховой плавник неведомой гигантской рыбы.

– Щука! – ахнули дружно рыбаки и их, словно ветром, сдуло на речной берег.

А рыбина действительно была хороша!

Залив буквально кипел от её охоты! Рыба, и даже щуки поменьше, до 2-3-х кило, едва ли не выбрасывались на берег, когда огромная щука принялась за своё царское пиршество!

– Ну, прям, акула! – с восторгом высказался один из рыбаков, приготовив невесть откуда взявшиеся у него в руках вилы.

Другой рыбак уже взял наизготовку охотничье ружьё, настороженно щупая двухстволкой ожившую от всплесков рыбины воду залива.

– Не надо! – небрежно остановил своего молодого друга с ружьём дед Сидор, – Сеть сработает, в аккурат, у неё ячея под эту акулу!

Видимо насытившись и всплыв на поверхность едва ли не полностью, гигантская щука, подобно боевой торпедой, устремилась к выходу из залива, надёжно перекрытому крупноячейной могучей сетью. Было видно, что эта щучина гораздо более двух метров в длину. На её спинном плавнике были чётко видны старые белевшие отметины от остроги, а от внушительных зубастых челюстей огромной хищницы, как сомовьи усы, отходили несколько старых блёсен с поводками.

Точно акула!

Без всякого усилия, даже без какого-либо разбега, огромная щука, подобно белой акуле, «торпедировала» словно гнилую нитку, крупноячейную, новую и крепкую рыбацкую сеть, оставив в ней огромную рваную дыру и, грозно посмотрев на рыбаков, словно бы запоминая их, горделиво взмахнула большим тёмно-зелёным хвостом и устремилась по направлению к Кубенскому озеру!

– Вот это щука! – восторженно сказал конопатый Гришка-рыбачок, протирая глаза, словно бы ему привиделось всё это, – Акула, просто акула...

Айк

А снег был белый-белый.

Он кружил, заигрывая с утренним январским ветром, и казалось, что его белые полчища пленили целый свет, заменив его собой.

Выйдя из деревенской избы, старик закашлялся, но, тем не менее, отважно вышел на белый свет, атакуемый со всех сторон белоснежным войском. Вслед за пожилым человеком в белом армейском полушубке из тепла дома и веранды вышел огромный матёрый английский бульмастиф – очень большая собака палевой раскраски с чёрной маской на морде и большими умными карими глазами.

– Ну что, Айк, – обратился старик к своей собаке, которая выйдя на крыльцо поймала и слизнула языком летящую снежинку, – смотри, сколько снега сегодня намело, уборки нам, парень, хватит.

Пожилого человека, а это и был наш старик, звали Антон Кузьмич Подшивалов, старый армеец, майор в отставке, отслуживший всю свою сознательную жизнь в артиллерийских войсках и приехавший таки на свои длинные пенсионные выходные в гордом одиночестве в старый дом, оставшийся в наследство ещё от родителей.

Дом тот стоял в лесу, на самом берегу вольной и широко раскинувшейся Кубены-реки, что несла свои чистые и свободные воды в самом сердце северной Вологодской области. Не то что у отставного майора не было никаких дел в родном городе, дела были, но всё-таки оставив свою жену нянчиться с внуками, наш Кузьмич решил таки после празднования Нового Года «встряхнуться» в родовом имении. Посмотрев на белый свет и подышав свежим воздухом, наш герой зашёл обратно в дом, где не торопясь, обстоятельно, по-деревенски стал растапливать русскую печь и подтопок. Убедившись, что огонь в печи ровный и хороший, он частично прикрыл печь заслонкой, чтобы не летели искры, и бросив своей собаке короткое «пойдём, погуляем», вышел из дома.

Взяв в веранде большую лопату для уборки снега, отставник принялся убирать снег, насвистывая ему одному известную мелодию. Весело посматривая на летящий со всех сторон снег, бульмастиф Айк степенно сопровождал своего хозяина повсюду, благо на улице было не так холодно, всего-то минус три, и поэтому, даже в своей короткошёрстной «шубке» Айк чувствовал себя вполне хорошо и комфортно.

Убирая снег от дома и расчистив его аж до самых ворот, Антон Кузьмич дружелюбно похлопал рукой стоящий у дома старенький японский внедорожник «Монтеро»: – Не замёрз, дружище?

И улыбнувшись, стряхнул снег со своего джипа. Вернувшись в дом с постоянно сопровождавшей его собакой, Кузьмич приготовил себе нехитрый завтрак, состоящий из пары бутербродов и вкрутую сваренных яиц, заварил свежий чай. Затем, убедившись, что русская печь и подтопок протоплены, посмотрев, что не осталось горящих угольков, старик skutал печь, закрыв все выюшки-заслонки. Глянув ещё на печь и осмотрев её, ибо угореть никому не хотелось, отставник удовлетворённо улыбнулся, и включив дачную магнитолау, пошёл завтракать.

Позавтракав, наш герой засобирался на реку, как же рыбацкие жерлицы – донные удочки без поплавок с насаженными на тройники живцами, ждали своего хозяина на нескольких речных лунках ещё со вчерашнего дня.

Одевшись, Кузьмич по привычке пристегнул к портупейному ремню большой охотничий нож. Хотел взять и свой карабин «Сайга», но потом передумал, рыбалка – не охота! Да и лунки находились от его дома буквально в десяти минутах ходьбы, ибо дом стоял практически на самом берегу реки, окружённый мохнатыми соснами и елями. Просился с ним и его верный телохранитель, но на этот раз, сам не зная почему, Кузьмич решил не брать с собой пса. Закрыв

дом и оставив собаку в веранде, благо света в ней хватало, окно большое, широкое, застеклённое, старик, выходя, закрыл для надёжности и веранду на ключ. А вдруг кто-нибудь придёт? Хотя, кто мог придти к нему в заброшенный в лесу дом? Поэтому Кузьмич, покряхтев так по-стариковски и потоптавшись в валенках на крыльце, прихватив с собой нехитрые рыбацкие принадлежности, пошёл к реке. Миновав расположенную рядом с лесом старую баню и не менее старый сельский пруд со спавшими там карасями и карпами, отставник уверенно шёл по тропе через редкий лес, направляясь к реке.

Река, как всегда, открылась внезапно, стоило лишь закончиться лесу.

Подходя к заметённым снегом старым рыбацким лункам, Кузьмич приподнял фанеру, закрывавшую лунку от снега, и нащупав лёску, стал неторопливо выбирать живца на поверхность. Есть! Лёска туго напряглась и, звеня в напряжении, заходила в пульсации мелкой дрожи в руках старика. Попался кто-то! Улыбаясь своей рыбацкой удаче, счастливый Антон Кузьмич подтаскивал сопротивляющуюся рыбину на поверхность.

– Щука что ли? – вслух подумал Кузьмич, лихорадочно выбирая лёску, – Хотя не похоже, тяжело и плавно идёт, практически без рывков.

Наконец в лунке показалась большая тёмная, извивающаяся как змея, усатая рыба. Налим!

– Ох и хорош! – не удержался и вслух возрадовался отставной майор, вытаскивая большого налима на снег, – Поди, килограмма на три потянет! Эх, знатный пирог внукам будет!

Смотря, как крупная рыба выплывает на льду свой танец, Кузьмич довольно улыбался, снаряжая жерлицу новым живцом и запуская маленькую рыбку в лунку, также заботливо закрывая её фанерой. Положив налима в свой рыбацкий полиэтиленовый мешок, старик перешёл к следующей лунке.

Всего их было три, но поставлены они были в самых удачных и проверенных местах. Подойдя ко второй жерлице и проверяя её, старик почувствовал на конце лесы тупые короткие толчки попавшейся рыбы. Насвистывая радостную мелодию, Антон Кузьмич подтащил к краю лунки и достал на свет божий трепыхающегося судачка весом около килограмма. Повторив свои нехитрые рыбацкие действия, старик подошёл к третьей лунке, где проверяя снасть, почувствовал, что рыбка попалась немаленькая и с ней придется повозиться. Чувствуя, как кругами большая рыбина, напрягая толстую лесу, ходила из стороны в сторону, Кузьмич безошибочно определил клюнувшую и севшую на живца рыбу. Так и есть, щука! Счастливо улыбаясь, отставник не без труда доставал из большой лунки крупную щуку, которая, очутившись на поверхности, забила на льду своим пятнистым хвостом.

– Ох и хороша! – пропел старик, – До чего же знатные пироги получатся!

Поднимая крупную, весом около четырёх килограмм, рыбину, Кузьмич аккуратно поместил её в свой рыбацкий мешок.

За спиной послышался шум и чьё-то рычание.

Старик обернулся и заметил трёх больших матёрых волков, которые скалились в своих беспощадных улыбках.

– А, пожаловали санитары леса, – негромко сказал Кузьмич и пожалел, что не взял карабин и собаку, – так значит, проголодались, из леса вышли, ребята...

«Ребята» стояли в нескольких метрах от старика и скалили зубы на свою жертву.

– Вот что, ребята, – посмотрел на волков отставник, незаметно доставая охотничий нож и обнажая его, – я не торопясь пойду, всю рыбу вам оставляю, кушайте, то, что не доедите, я потом возьму, когда с карабином обратно приду. Согласны, ребята?

При этом старик вывалил хищникам пойманную рыбу, но «ребята», игнорируя угощение, жадно и плотоядно посматривали на медленно отступающего от них старика.

– Что, рыбы вам не надо? – отходя по тропке спиной к показавшейся уже бане, спрашивал у хищников Кузьмич, – Кого же вам надо? А-а, меня... Подождите, ребята... Вот дойдём до дома, тогда поговорим...

Внезапно решившись, все три волка бросились на Кузьмича, так некстати запнувшегося, потерявшего равновесие и упавшего спиной на снег. Моментально выбрав и определив из волчьей троицы вожака, старик по самую рукоять большого охотничьего ножа вонзил клинок в упругую волчью плоть. И ещё когда два других волка стали терзать его, отставник двумя короткими ударами ножа добил вожака, который скуля, сполз с него, хрипя и разбрызгивая тёмную кровь на снегу. Волки отскочили, почувствовав смерть своего вожака, затем вернулись, подходя к старику.

Кузьмич тоскливо посмотрел на дом: далеко, даже истекая кровью, он не успеет доползти до него, как звери разорвут его. Тем более, разодранные зверьём ноги болели и сковывали его, причиняя острую боль при каждом движении. С огромным трудом, подползая к дому по снегу, обагрившемуся кровью, его кровью, старик вспомнил в очередной раз, как он опрометчиво не взял с собой карабин и собаку.

Собаку!

Словно бы вспомнив что-то, Кузьмич позвал, привставая над снегом: – Айк! Ко мне, Айк!

Довольно улыбаясь своими людоедскими улыбками, волки заходили на свою последнюю атаку на человека.

Словно бы взорвавшись изнутри разбитым стеклом, из окна веранды, невероятным прыжком, разбиваясь в кровь от разбитого стекла, вылетел грозный бульмастиф!

Айк!

Одним мигом матёрый бульмастиф настиг волков и тут же верная собака, закрыв собой хозяина, приняла свой последний неравный бой с лесными хищниками. Крутясь в одном яростном клубке, в поединке с двумя огромными матёрыми волками, старый бульмастиф, не обращая внимания, как волки грызли и убивали его, делал свою работу, свою последнюю работу.

Вырвав глотку одному из волков, который захрипев, задрыгал лапами, агонизируя на снегу, истерзанный бульмастиф дрался с последним волком. Грызя и убивая друг друга в беспощадном поединке, собака и волк бились не на жизнь, а на смерть. И если волк хоть как-то пытался уже защитить только свою уходящую жизнь, собака билась с ним, умирая, защищая жизнь того, кого любила больше всего – своего хозяина.

Коротко, по-щенячьи завизжав, последний волк забился в предсмертных конвульсиях, когда умирающий бульмастиф мёртвой хваткой взял его за горло и сдавил своим последним усилием.

Всё!

Умирающий пёс, истекая кровью подполз к лежащему на снегу хозяину и доверчиво положил ему на грудь свою большую мужественную голову.

– Айк! – плакал в полном одиночестве старик.

Но ничего ему не ответил ни Айк, ни сумрачный лес, шумевший над его головой и поющий свою какую-то старую печальную песню.

Постовой

*Сотрудникам патрульно-постовой службы, павшим при
исполнении служебных обязанностей
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Одиноко маячила на перекрёстке фигура усталого человека.

И хотя в этот тёплый июльский вечер время дежурства у сержанта милиции Иванова подходило к концу, всё равно ему было как-то неуютно и тоскливо. Сержант не торопясь посмотрел на часы: ещё немного и его очередная патрульно-постовая смена позади. Дома ждала ласковая жена Любаша, да трое ангелочков-сынишек, мал, мала, меньше.

Внезапно ожила и угрожающе зашипела его переносная радиостанция, из динамика которой послышался голос дежурного по райотделу: – Двенадцатый, двенадцатый, на связь! Серёжа, Иванов, ответь!

Привычным движением милиционер щёлкнул манипулятором радиостанции: – Да, на приёме двенадцатый!

– Сергей! – Иванов услышал знакомый голос лейтенанта Кравцова, – У ресторана «Надежда» пьяная буча, алкашня нормальным людям мешает отдыхать, хулиганят! Автопатрули я подтягиваю, но не успеют они, Серёжа... Ты поблизости, помоги людям, пожалуйста!

– Вас понял, исполняю, – привычно ответил постовой и грустно улыбнулся, – да, не было печали...

И хотя время его дежурства практически подошло к концу, сержант заторопился к увеселительному заведению, где и в самом деле гуляющей в ресторане свадьбе мешали отдыхать и приставали местные пьяные гопники, шпана, если кто не понял. Прибыв на место происшествия, благо оно было недалеко, сержант содрогнулся: у ресторана при свете редких тусклых уличных фонарей разыгралась целая баталия, драка, если проще говоря. Было видно, как на вышедших из ресторана подышать чистым воздухом жениха и невесту, которая явно была в положении, и их близких, напала местная шпана. Так бывает, слово за слово, первый удар, и вот она – первая кровь пролилась.

Но сейчас, а это сержант видел чётко, преступники избивали не только жениха и его близких, но даже невесту. Подбегая к месту происшествия, сержант Иванов увидел, как местный буян-хулиган Петухов в пьяной удали саданул ногой прямо в живот беременной невесте, облачённой в своё белоснежное платье, которая охнув от его удара, плавно и медленно опустилась на асфальт.

Лихо влетев в кучу дерущихся, первым делом сержант разнял разбушевавшихся людей и пристегнул бандогу Петухова наручниками к себе.

И вовремя: потому что преступник пытался ударить невесту чем-то блеснувшим в его руке. В ту же секунду сержант почувствовал острую резкую боль в боку и успел увидеть, как в руке у Петухова мелькнул выкидной нож. Умелым движением сержант выбил у преступника его оружие.

Как-то сразу из его раны по его светло-синей милицейской рубашке тонким ручейком потекла кровь.

Такая красная-красная.

Чтоб не тревожить окружающих, сержант прикрыв рукой свою рану. После чего попросил унести невесту, до сих пор не пришедшую в себя, в ресторан, и вызвать «Скорую помощь».

Двери ресторана широко раскрылись и оттуда выскочила разъярённая толпа пьяных гостей свадьбы. С воплями «наших бьют!» они подскочили к сержанту и не видя даже его раны, а видя, что из злодеев на месте преступления остался только один, тот, что был скован с

сержантом браслетами наручников, толпа захмелевших людей требовала милиционера немедленно отдать им на расправу негодяя, посмеявшегося ударить невесту.

– Спаси меня! – загнусавил в хмельном плаче протрезвевший вмиг бандюган, – Не отдавай меня им!

Потные, пахнущие алкоголем и дышащие злобой люди, стеной обступили сержанта, не замечая, как кровь с его рубашки стекала уже на асфальт. Пытались бить и плевать в преступника.

Правда вот их удары и плевки почему-то доставались бедному сержанту, но что поделаешь, есть такой долг у милиции – Родине служить!

Почувствовав, что у него плавно начинает отключаться сознание, сержант рванул из кармана своё спецсредство – десятую «Черёмуху», и круговым движением создал облако слезоточивого газа вокруг себя, и крикнул, теряя силы: – Всем назад!

Толпа дрогнула.

– Назад, я сказал! – едва ли не плакал в отчаянии постовой сержант, – Люди ли вы?!!

Вконец озверевшие люди отступили.

Победной музыкой послышались звуки милицейских сирен, и к месту происшествия подскочило четыре патрульных УАЗА. На троих красовалась надпись «Патрульно-Постовая Служба Милиции», на четвёртом грозно блеснул «ОМОН». Вслед за ними с включёнными маячками и сиреной подъехала «Скорая помощь».

Только сейчас толпа заметила кровь на работнике милиции и стыдливо замолчала.

Упавшего на руки своих товарищей и потерявшего сознание сержанта Иванова положили в «Скорую», где на него с тихой любовью и каким-то сожалением, роняя свои слёзы на пол машины, смотрела спасённая им невеста, ласково поглаживая рукой не рождённого ещё Человека.

Кузьминична

Основан на реальных событиях

Я услышал этот рассказ от случайного попутчика в поезде «Архангельск – Москва», мне приходилось направляться в Белокаменную из Архангельска, незнакомец подсел на станции «Вологда».

Обычный мужик, как и многие из нас, на вид под пятьдесят, доброе лицо, с изрядно поседевшей головой, и седыми, белыми – белыми, как у Деда Мороза, усами и бородой.

Сами понимаете, путь до столицы не близкий, вот и сблизилась в дороге, словно бы почувствовав родственные души.

Моего случайного попутчика, как оказалось, звали Алексей Егоров, отставной капитан милиции. Слово за слово, за нехитрым мужским разговором, под «рюмку чая», рассказал мне Алексей историю из своей милицейской жизни, которая, видимо, до сих пор, трогала его сердце и тревожила память.

Дело было в начале двухтысячных, в маленьком поселке Шар деньга, что далеко на севере Вологодской области.

В тот день, заступил на дежурство Алексей Егоров в поселковом отделе милиции в качестве старшего следственно-оперативной группы, потому как из всего «доблестного экипажа» сотрудников он был старше всех и по чину и по званию – как же, старший лейтенант милиции, целый старший дознаватель поселкового отдела милиции.

В дежурной комнате находились дежурный, как его все звали по возрасту, уважительно – Петрович, его помощник, да молодой лейтенант оперуполномоченный уголовного розыска.

Сбоку от пульта, из небольшого цветного телевизора, важно вещал с экрана лысоватый мужик, по лисьи улыбаясь, что, мол, все вовсе даже хорошо в сельском хозяйстве, и жизнь в деревнях и малых городах налаживается, растет фонд национального благосостояния.

– Переключи его, – с пренебрежением указал Петрович своему помощнику, старшине, – надоел уже!

На других кнопках телеэфира на экране извивались как змеи, практически голые девицы, беснуясь в непонятном экстазе с мужеподобными особями.

Толстые и не очень, господа с лошеными, напомаженными лицами, ведущие себя, словно агнцы, в глазах которых застыл тусклый волчий блеск, настойчиво убеждали, что они элита, сливки общества, уверенно ведут страну к своему процветанию, ибо и курс доллара устойчив и с рублем у них все в порядке.

– Выключи эти смывки общества, – распорядился дежурный, – нашли блин буратин, – и в дежурке наступила долгожданная тишина.

Из происшествий разное произошло в тот день, где-то украли бензопилу «Дружба», на танцах, на местной дискотеке, поскандалил местный буян – хулиган Дворыкин, и тому подобная «мелочевка», а что еще могло произойти в этот жаркий августовский день, в их богом забытой Шар деньге?

Поэтому когда из деревеньки Ключевка поступил вызов, что, мол, запропала старожил Кузьминична, дежурный Петрович важно раздувая рыжие усы, изрек: – Не буду, хоть тресните, не буду отправлять в заброшенную деревню опергруппу, мало – ли где эта старушенция бродит.

Вошедший в помещение дежурной части замначальника поселкового отделения милиции капитан Сиволапов прервал своего подчиненного: – Вот что Петрович, потребует сам на «потеряшку» поедешь, никого не будет, – я поеду, и разберусь, какие вопросы Петрович?

Ну, на такой оборот у дежурного сказать ничего не нашлось, поэтому в тот же час в Ключевку была снаряжена и отправлена аж целая оперативная группа милиции, где старшим был старлей Егоров.

Сказано – сделано! И вот уже трясётся по запыленным сельским дорогам наш милицейский УАЗ, а из кабины машины видна привычная безрадостная картина: покосившиеся от времени, старые почерневшие деревенские дома, давно заброшенные здания медицинских ФАПов, полуразбитые церкви с пустыми бойницами окон, словно после мамаевского нашествия, да заросшие различным разнотравом и чертополохом бескрайние российские поля, к которым уже давно не прикасалась рука человека.

– Да, – глубокомысленно заявил водитель УАЗа, – гибнет деревня, и что поделать тут? Кстати, кто нас встретит из заявителей?

– Увы, – безрадостно согласился старший группы и добавил, – звонил местный председатель сельсовета Петров, обещал встретить на развилке.

– Знаю Петрова, мужик обстоятельный, – вступил в разговор молодой опер угрозыска, – этот не подведет, обещал встретить, значит, будет на месте.

Действительно, при подъезде к межпоселковой дорожной развилке их подждал старый, тентованный «ЛУАЗ» председателя сельсовета.

– А, вот и Петров на своем «крокодиле», – оживился водитель, – так мы меж собой его луазик кличем, крокодилем.

Обменявшись крепкими мужскими рукопожатиями, Егоров и Петров договорились, что поедут к месту исчезновения на двух машинах.

Вновь затряслись на пропыленных сельских дорогах два внедорожника, сминая под своими колесами лесное разнотравье и глотая деревенские ухабы своими колесами.

– Приехали! – полузадаченно протянул старшина-водитель УАЗа, когда милицейский автомобиль, вслед за председательским ЛУАЗом буквально ткнулся носом, в разлив местной реки, образовавшей целое озерко, с островом, на котором находились семь старых деревянных домов – деревня Ключевка!

– Ну и как переправляться будем? – с немым вопросом посмотрели на председателя работники опергруппы, – вплавь?

– Не бойсь, – усмехнулся Петров, – лодка у меня тут имеется!

– Вот поплывете, – продолжал балагурить председатель, – а щука не дремлет, кусанет вас за это самое место, кому вы будете нужны?

– Кончай бухтеть, Петров, – урезонил развеселившегося председателя старлей Егоров, – работать надо!

– Работать, так работать, – послушно согласился Петров, отстегивая навесной замок от лодки, которая неприметно стояла в кустах на берегу.

Общими усилиями столкнули лодку на воду, все загрузились на нее, и председатель кратко проинформировал Егорова, что в своем доме отсутствует местный житель, Елизавета Кузьминична Петергова, старый ветеран, разменявшая девятый десяток лет своей нелегкой крестьянской жизни.

– Ну и как она здесь жила? – подгребая веслами к острову, спросил председателя молодой оперативник.

– Плохо жила, – помрачнел Петров, – сам посуди, деревня давно уже безлюдная, как к весне разливают здесь, ни людей, никого нет, даже автолавка с хлебом изредка ездит, только к зиме почитай, дорога по льду и налаживается.

– Хоть какие-то удобства имеются? – интересовался опер.

– Удобства? Какие там удобства? – переспросил председатель, когда лодка ткнулась носом в берег, – заходи в избу, сам посмотришь на ее удобства!

На самом берегу залива, одиноко стояла старая изба, с тремя окнами, выходящими на озерко.

Ни газа, ни электричества, ничего в ней не было, даже отсутствовал необходимый для зимы запас дров, из «удобств» – лишь холодный туалет в пристройке к дому.

Составив протокол осмотра, который ничего не дал, потому как в доме было чисто, ни каких следов криминала, борьбы, крови не выявлено, дознаватель дал расписаться в осмотре, объяснении, и заявлении о без вести пропавшей председателю.

Да и обстановка скажем, была не богатая, пара старых икон в красном уголке, какие – то старые плакаты времен СССР, расклеенные, вместо обоев на стенах, да пустой горшок, сиротливо стоящий на плите подтопка русской печи.

– Где бабушка, Петров? – задирает председателя молодой опер, – куда дел старушку?

– Хватит! – успокоил своим взглядом молодого лейтенанта Егоров, и сухо распорядился, – Так, обходите весь остров, осматривайте все избы, и ко мне с докладом!

– Сделаем! – как-то не по уставному ответил оперативник и, работники опергруппы разбрелись по острову, пытаясь найти куда-то запропастившуюся бабулю.

Впрочем, через час они собрались, разводя руками, мол, нет ее нигде!

– Семнадцатый, семнадцатый, ответьте Шар деньге! – вдруг зашебуршала, словно мышь, и проявила себя мини-радиостанция.

Не торопясь, обстоятельно, по-деревенски, Егоров щелкнул кнопкой манипулятора рации: – Да, на приеме семнадцатый!

– Алексей, – голос у дежурного был какой-то напряженный, – у вас по соседству с базой механизаторов угнан автобус ПАЗ, перекройте развилку!

– Я еще не закончил осмотр, – с легким раздражением в голосе проинформировал дежурного дознаватель, – не пришел к выводу об обстоятельствах исчезновения женщины!

– Мне некого больше отправить, – упрямо настаивал дежурный, – вы у меня одни в этом районе, а бабуля, может, она по грибы пошла!

– Грибы здесь не водятся! – не без ехидства иронизировал Егоров, – Остров здесь, а вокруг вода!

– Стойте ребята, не ссорьтесь! – вмешался председатель, – Давайте сделаем проще, я ребят на лодке на большую землю свезу, и сразу обратно, а они пусть угонщика ловят!

– Хорошая мысль, – одобрил дознаватель и доложил дежурному о таком раскладе, который он, в тот час же одобрил.

Оставшись один, Егоров еще раз внимательно осмотрел обстановку: старые фото, запечатлевшие еще моложавую Кузьминичну с мужем и детьми, там были и более ранние фото Кузьминичны с ее молодым тогда супругом, фронтовиком-капитаном, с рядом орденов и медалей на груди и укоризненным взглядом, словно говорящим: «За что же мы воевали, ребята, за что же вы обрекли на участь такую, супружницу мою?» На верху шкафа нашлись ее старые, запыленные благодарности и почетные грамоты, в холодной подсобной комнате старые самодельные сети и верши.

– Осматриваешься? – поинтересовался у него за плечом вернувшийся председатель, – Не беспокойся Алексей, закончишь осмотр, я тебя обратно в поселок увезу, тем более дела у меня там.

– Да я и не беспокоюсь, – отмахнулся старлей, – ты мне лучше еще раз расскажи, как она жила здесь, одна?

– Вот так вот и жила, – начал свой печальный рассказ председатель, – мужа давно схоронила, а дети совсем забыли ее, даже на письма не отвечали!

– Смотри, – показал пальцем на пачку писем на столе председатель, – сколько не отправленных!

– Пробовали ее много раз направить в дом престарелых, – продолжал свой рассказ Петров, – да все отказывалась она, все надеялась, что приедут ее дети, и заберут ее, к себе в город, да вот не дождалась!

Они вышли из избы и встали на берегу залива.

Быстро вечерело, где-то озабоченно переговаривались лягушки, а в зарослях камыша и тростника в погоне за рыбьей молодью, гулко бухала крупная щука, в центре залива, среди зарослей белых кувшинок и желтых кубышек поднимала ил и пузырила воду неведомая крупная рыба.

Красота, да и только!

– Поди, лещ, или карась крупный гуляет, – словно бы прочитав мысли Егорова сказал председатель, – насчет красоты ничего не скажешь, красиво здесь!

– Стой! – поймал себя на мысли дознаватель, – Я видел у нее в избе сети, она рыбалкой часом не промышляла? А если так, была у нее лодка?

– Даже не задумывался, – ответил Петров, – с другой стороны, да, если не рыбалить, с голоду ноги протянешь, хлеб допустим, она сама пекла, муки у нее в доме вдоволь, видимо закупалась в автолавке впрок, а консервов с нищей бабкиной пенсией много не купишь, да в доме ни холодильника, ни хрена нет! Короче, забыли все старую Кузьминичну!

– Вот что, – сообразил кое-что дознаватель, – давай-ка, на твоей лодке пройдем по заливу!

– Что искать-то будем? – улыбнулся председатель, – Вчерашний день, ой, как трудно найти!

– Должна быть у нее лодка, должна, – озабочено покачал головой Егоров, – я думаю и к автолавке на соседний берег, не вплавь она переправлялась!

– Мысль дельная! – согласился председатель, и оттолкнув лодку с берега, они пошли по заливу.

Как всегда верна пословица «Кто ищет, тот всегда найдет!», так и Егоров с Петровым буквально в первые минуты поиска обнаружили и достали из зарослей камыша и тростника маленькую самодельную лодку.

– Алексей, смотри! – ткнул в бок Егорова председатель, – В камышах сеть стоит!

Действительно, к древнему колу была подвязана старая, самодельная сеть, с крупной ячейей семьдесят миллиметров, в которой запутались пара уставших щук, по несколько килограмм каждая, да здоровущий трехкилограммовый золотой карась, вылитый лещ или карп.

Пройдя до конца сети, и не обнаружив ничего, поисковики выпустили живую еще рыбу в залив, смотали сеть, бросив ее на корму лодки.

– Стой! – остановил председателя, гребущего веслами по центру озерка, глазастый дознаватель, – Что это?

Действительно, из воды выглядывал, а глубина там была около двух метров, фрагмент всплывшей веревки.

Потянув за нее, дознаватель обнаружил страшную находку: на конце веревки находился труп старой женщины, с камнем на шее, и предсмертной запиской, в двойном целлофановом пакете, который она продолжала сжимать в своей исхудавшей руке.

– Кузьминична! – ужаснувшись, встал на лодке председатель и истово трижды перекрестился, – За что же это она себя так?

– Она?! – внезапно рассердился дознаватель, – А может мы все, своим равнодушием и безразличием убили ее?!!

– Окстись, Алексей, – отшатнулся от него, как черт от ладана, председатель, – при чем тут мы?

– Я не сужу тебя, – устало произнес старлей, – все, кто окружал ее, внесли свою лепту в ее смерть, каждый по-своему! Ты когда последний раз был у нее?

– Не помню, – признался председатель, – да и знаешь, сколько у меня таких кузьминичн в деревнях, да и формально это не моя работа, о каждой пенсионерке заботится!

– Одно меня еще заботит, – изливал свою душу председатель, – ну, похороним мы Кузьминичну, да вот кто за нее молиться будет? Ведь не положено же – самоубийца!

– Я буду! – отчеканил, как на строевом смотре, Алексей, – Ведь должна же быть справедливость и в этом мире, или хочешь сказать, что Бог менее милосерд, чем люди?!!

– Кто знает, – пожал плечами председатель, – кто знает...

На заливе, застывшим в своей красоте, все так же била хвостом щука, гоняя малька, и так же неугомонно и бестолково вели свою незамысловатую перекличку лягушки.

ВСЁ.

У костра

*Посвящается жене Елене Сергеевне и родителям: Лие Вячеславовне
и Валентину Николаевичу Малышевым*

Основан на реальной истории спасения человеческой жизни

В небольшом пятидесятитысячном городе Согда, что на Севере Вологодской области, есть улица Луговая, в центре которой находится Согдинский городской отдел внутренних дел, с которого мы и начнем наш рассказ.

На дворе после лихих девяностых, наступило время не менее «интересных» двухтысячных, когда к слову капитализм люди уже как-то и попривыкли, и понятие рыночная экономика у них уже не вызвала прежнего отвращения и удивления.

На исполнение старшему оперуполномоченному уголовного розыска Согдинского ГОВД майору милиции Северову поступило заявление от гражданки Мишулиной что, так, мол и так, но в июле сего года ушел в лес и не вернулся ее муж Мишулин Сергей Викторович, сорока лет отроду, бывший отставной сержант – афганец, инвалид второй группы, просим принять меры к розыску.

Заявление Мишулиной, завизированное, как и положено, подписью начальника ГОВД, и поставленной печатью регистрации в книге учета происшествий, занес молодой стажер Пахомов, робко постучавшись в двери кабинета Северова: «Алексей Валентинович! Просили передать вам на исполнение».

– Что скребешься, как мышь? – улыбнулся Северов, – Ты мой стажер или как? Заходи!

Собрать группу и доложить начальству о предстоящем убытии не составило большого труда, к своей группе розыскников, кроме уже упомянутого стажера Пахомова, майор присоединил кинолога ГОВД старшину Анатолия Цыганова и начальника местной спасательной станции Николая Росина, водолаз, однако!

Подумав, Алексей позвонил в сельсовет и лесничество, где произошло исчезновение с просьбой отрядить на поиск людей, привычно обзвонил местные редакции радиовещания, телевидения и газет, дав срочную розыскную ориентировку, предварительно проверив пропавшего по всем видам учетов.

Озабоченно посмотрев на карту местности, понял, что место исчезновения «потеряшка» Мишулин, выбрал не из легких, здешняя тайга кишмя кишела медведями, водными преградами и болотами, и считалась труднодоступной.

Поэтому, вооружаясь, Северов взял в дежурной части не только свой табельный Макаров и пистолет сигнальный, но и АКС-74У, складной укороченный, десантный автомат Калашникова, так как понимал, что заведя людей в леса, он за них отвечал.

Хотя расчет велся, что все вернуться с поиска до вечера, тем не менее, предусмотрительный майор распорядился работникам группы взять сухой паек на трое суток, потому что понимал, лес – это дело такое...

Проехавшись пару часов по российской бездорожице на изматывающем своей тряской милицейском УАЗе, Алексей и его группа прибыли в деревню Котлакса, откуда пропал Мишулин.

Деревня как деревня, с десяток старых домов, ничего примечательного.

Приступив к осмотру места происшествия и опросу свидетелей, майор установил любопытную деталь, что отставной сержант Мишулин, ушел в лес, из избы, после ссоры со своими деревенскими друзьями.

Майор не поленился даже осмотреть большую русскую печь, и все топоры и лопаты в доме, пока по его заданию кинолог Цыганов с неразлучным ротвейлером Каратом осматривал дом и прилегающую местность.

Но, увы – пусто!

Но в тоже время понимал майор, нет, не по грибы ушел в лес отставной сержант – афганец, не по грибы.

Прошедший все возможные «скрытые» и «закрытые» командировки в горячие точки, как боец группы «Омега» – сверхсекретного подразделения, когда-то могущественной страны, имевший и ранения и контузии и хранившуюся где-то в военных архивах, без права ношения, Звездочку, Северов понимал, что как сильно не осторожным словом был обижен отставной сержант и понимал, что вряд-ли он сам выйдет из леса.

Хорошо, если еще руки на себя не наложит...

За окном раздался шум подъехавших машин и в избу зашел лесник Ерофеич, и доложил, что на трех УАЗах прибыло подкрепление работников лесхоза, сельсовета, и местных жителей.

Выйдя из дома, и улыбнувшись ласковому солнышку, майор привычно разделил людей на две группы, в одну группу под командованием местного егеря, включил мужиков из лесхоза, сельсовета, придав им местных жителей.

Себе взял своих, проверенных: лесника Ерофеича, кинолога Цыганова, водолаза Росина, стажера Пахомова, куда же без него?

Пробовали к ним навязаться несколько молодых, девиц явно школьного возраста – родственниц «потеряшки».

Глазки горят, острые юные грудки под летними рубашонками топорщатся, короче настрой боевой!

Посмотрел на них так скептически Северов и отказал: «Нет, девчата, оставайтесь за старших в избе, вдруг пропащий вернется»

Ну не тащить же бедолаг по лесам, да по болотам – жестоко это, да и не каждый выдержать сможет.

Разметив по карте направление поиска, сверившись с часами и компасом, обе группы выдвинулись в направлении розыска.

Никому и никогда не верьте, что искать пропавшего в лесах легко и просто!

Северов в очередной раз убедился верности данной простенькой истины, когда пройдя пару другую километров по лесу, им преградили путь разливы лесной болотистой реки.

– Стойте! – ужаснулся стажер Пахомов, показывая рукой на заболоченную воду, – Товарищ майор, вы хотите сказать, что мы пойдем туда?! Неужели нельзя ее обойти?

– Нельзя Пахомов, нельзя! – покачал головой командир группы, хорошо знавший местные леса и решительно, первый шагнул в болотистую воду, которая громко хлюпнув, цепко схватилась за его ноги, словно живая.

Где-то вброд, а где-то и вплавь, группа майора преодолевала преграды.

Подняв автомат, и все свое вооружение над головой, Северов шел по грудь в вязкой, болотистой, лесной жиже.

Ротвейлер кинолога Цыганова, пытаясь, плыл рядом с ним, подгребая воду всеми четырьмя лапами, и укоризненно поглядывал на командира группы, словно говоря: «За что ты завел нас в это погибельное место?»

Замыкал группу лесник Ерофеич, который кряхтя, шел, высоко подняв свой служебный карабин: как же, вверенное имущество необходимо беречь, как зеницу ока.

Наконец-то вышли на долгожданную сушу.

– Перекур! – коротко распорядился Северов, – Отдыхайте, ребята.

– Товарищ майор! – стирая болотную грязь и размазывая ее по лицу, ну чисто Рэмбо, подал свой голос стажер, – Часто у вас такой розыск бывает?

– Постоянно и периодически, – не моргнув и глазом, отшутился Алексей, – привыкай, товарищ стажер, к розыскному делу, мы с тобой людей спасаем, вот как! Пойдешь к нам после стажировки?

– Н-е-е-т! – уверенно протянул стажер, – Тяжелая у вас работа, Алексей Валентинович, но я, пожалуй, после стажировки к вам не пойду, устройсь в прокуратуру или суд, там полегче, без вашего экстрима!

– Твое право, – согласился майор, и после их короткого диалога наступила звенящая тишина, прерываемая разве что пением птиц и писком вездесущей лесной мошки.

Немного отдохнув, поисково-спасательная группа продолжила свой путь вперед.

Пройдя еще с десятков километров по чащобе, группа вышла на открытую каменистую местность, где с незапамятных времен были разбросаны, еще вероятно с ледникового периода, огромные валуны, да камни поменьше, сплошная каменная гряда.

– Слава Богу! – выдохнул с устатка Ерофеич, – Вышли-таки на Николину гряду! Теперь чай, полегче будет...

Впрочем, Ерофеич ошибся.

Спустя пару часов группа вступила в какой-то странный лес, красота вокруг неописуемая, но какая-то страшная, звенящая, даже птицы не поют и мошка не летает.

Прибавился вдобавок ко всему неприятный, мускусный, какой-то тяжелый, козлиный запах, словно бы кто-то, подобно хищному зверю скрадывал их группу.

– Группа, стой! – распорядился Северов и подошел к леснику Ерофеичу, напряженно всматривающемуся в лесную даль, и взявшему свой неразлучный карабин наизготовку.

– Вот что, командир, – устало произнес Ерофеич, – не скажу, что заблудились, но в этих краях я не бывал, и что-то скрадывает нас, точно не медведь, я охотник старый, косолапого за версту почуял бы!

– Что это? – испытующе посмотрел на лесника майор.

– Не знаю, – пожал плечами Ерофеич, – не знаю.

Приняв решение выходить из этого погибельного места, командир сгруппировал вокруг себя своих поисковиков. Табельный снаряженный ПМ отдал кинологу, тот хоть с оружием умеет обращаться. Командирскую ракетницу передал стажёру, а сам, сняв автомат, передёрнув затвор и, поставив переводчик огня на автоматический, пошёл впереди группы.

Замыкал группу лесник Ерофеич, с карабином в руках.

Все шли, напряженно вслушиваясь в тишину.

То ли эти предупредительные меры, то ли что другое помогло, но страшный неприятный запах, преследовавший их, внезапно исчез, и к своему счастью, поисково-спасательная группа вышла из этого неприятного места.

Вмиг повеселевший Ерофеич докладывал, что они в лесу в районе деревни Гуриево, при этом добавлял, что каким-то макаром прошли они немеряно сколько лесных верст, миновав лесные владения нескольких сельсоветов.

Быстро вечерело, вдали показалась речка Бушуиха, сверкнувшая синевой своих вод.

– Вот это порядок, это хорошо, – радовался старый лесник, – на реке и лагерь разобьем, помоемся и заночуем.

Подойдя к реке поближе, а лесная река была небольшой, они заметили огонек костра, у самой реки.

Ускорив шаг, в предвкушении долгожданного отдыха и тепла, розыскники подошли к лесному костру, у которого сидел человек, и не торопясь подкидывал лесные дровишки в огонь.

Говоря сухим языком милицейского протокола, на вид ему было все восемьдесят, белые-белые, как снег, волосы, борода и усы, простое чистое, светлое, нездешнее одеяние, и в то же время, взгляд его светло-карих глаз излучал какую-то юность и воздушность.

– Мир вам! – поздоровался первым незнакомец, и добродушно улыбнулся, – Добро пожаловать к моему костру.

– Спасибо! – за всех ответил командир группы, – Здравствуйте, дедушка! Как вас звать, величать?

– Зовите меня Странник, ибо живу я, – ответил ему хозяин костра, – странствую и встречаюсь с разными людьми, сегодня вот, с вами встретился! Не смотрите, что стар, ибо тело ветшает, дух – никогда!

– Может вы проголодались, дети? – как-то по-простецки так, спросил Странник и предложил, – У меня есть запеченная рыба, лесной мед и хлебы!

– О, это здорово, – не удержался и забалагурил стажер Пахомов, – и у нас, дедушка, найдётся чем тебя угостить.

Поисковики не торопясь шарили по своим рюкзакам, доставая к долгожданному походному столу различную снедь и закуски.

Под одобрительные возгласы поисковиков, предусмотрительный Ерофеич достал бутылку чистейшего деревенского первача, и заветная жидкость моментально была щедро разлита в подставленные кружки и стаканы.

Как и всем, немного угостили и хозяина костра, который, не капризничая и не жеманясь, поднял тост за их успех, после чего все выпили.

Эта печеная рыба с хлебами оказалась просто чудом каким-то кулинарным, такой вкусной рыбки никто еще не едал и не пробовал!

Они сидели у костра, и уже не было между ними ни русского, ни белоруса, ни украинца, не было между ними ни христианина, ни иудея, ни приверженца ислама, ибо они все были едины, и скреплены радостным чувством общего единения и радовались, словно бы напившись легкого сладкого вина!

Разговор у костра плавно перетек на божественные темы, темы вечного правдоискательства и любви, как же на Руси без них?

– Вот скажите, – горячился стажер Пахомов, – вот был Христос, нёс людям позитив, и за что спрашивается, его распяли?!

– А за что убивали праведных иудеев, люди чтущие Тору и Танах? – вступил в беседу Странник, – Человек подменил слово Божие своими преданиями, не за это ли убили и Христа, указавшего людям на это?

– Но это же религии добра, – не успокаивался Пахомов, – а как же массовые распятия времен Христа и Иуды, крестовые походы, войны ислама с неверными?

– Но тебе же указали на очевидное, – вступил в разговор майор, поддержав хозяина костра и пошутил, – даже не сомневайся, Ватсон!

– Назовите имена Бога из Писаний, – испытующе посмотрел на них Странник, – знаете?

– Пожалуйста, – отвечал умудренный жизненным опытом командир группы, – из Ветхого Завета одно из Имен – Справедливый, из христианства – Любовь, из Корана – Милосердный!

– Постойте, – вмешался в разговор неугомонный стажер, – а буддизм, восточные религии, скажите, как быть с переселением душ?

– У Бога много комнат в его доме, – улыбнулся так загадочно Странник, посмотрев на Пахомова, затем обернулся к майору, – правильно назвал, но скажи, когда иудей убивает кого-то, он справедлив? А в действиях христианина, убивающего кого-либо, найдешь ли ты любовь, и можно ли назвать милосердным мусульманина, убивающего ближнего своего?! Впрочем, есть верящие, есть знающие, но лучше всех – исполняющие!

– Теперь мы это поняли, – согласился стажер, – что убивающий подобного себе, далек от Бога!

– Только теперь поняли? – грустно покачал головой хозяин костра, – Неужели, чтобы человеку понять Истину – Любовь, необходимо перед этим убивать?

– Я полностью согласен с вами, уважаемый, потому что мы получили простые, ясные ответы, – почтительно посмотрел на старшего собеседника майор Северов, – но, сколько зла в мире: войны, болезни, правители, не верящие ни в Бога, ни в черта, и сосущие последние соки из своих народов и испытывающие к ним такую ненависть, которая медленно, но верно, убивает их, лишая всего!

– Расскажу вам притчу, – молвил Странник, оглаживая свою седую бороду, – вот некогда был насажен чудный сад, и все там было весьма хорошо. Но взяли власть в этом саду воинственные жуки, которые прислуживали неработающим жиреющим личинкам, и заставляли работать на себя бедных гусеничек, и гусенички весьма изнемогали от бед и трудов своих, а жуки и личинки радовались, полагая, что так будет всегда. Как вдруг, пришел Садовник, и бросил всех паразитов в огонь, а гусенички, преобразившись в прекрасных бабочек, взмыли ввысь!

– Интересно все это, – поблагодарил майор, – но есть вещи, которые постоянны, к примеру, мы россияне никогда не подадим руку фашистам, потому как мы – страна, победившая фашизм!

– Да, войны, тем более фашизм, – печально согласился Странник, – страшное зло, впрочем, пройдет немного времени, когда руководители ваши, будут здороваться с современными фашистами, в надежде торговать с ними, и иметь от них прибыль!

– Неужели такое возможно? – ужаснулся Северов, – Не верится в это!

– Все возможно на этом свете, особенно, когда человек ставит вместо Бога культ денег, – посмотрел на майора Странник, – у человека в руках, страшная игрушка – право свободного выбора! Вы всегда вольны выбирать между светом и тьмой, добром и злом, впрочем, ложись спать, Алексей, утро вечера мудреней, глядишь к утру, и поймешь кое-что!

Навалилась после этих слов на Алексея, какая-то тянущая к земле дремота, он лег головой на рюкзак и заснул.

Сны пришли моментально.

Были ли это сны или видения, Алексей не знал.

Вначале снилось ему что-то нехорошее, что-то тянуло его к земле, хотя душа рвалась ввысь.

Снилось, как будто бы прорвав воздушную пленку, как с телеэкрана, рвалось к нему чудовище, похожее на огнедышащего, как дракон, льва, на голове которого развивались ядовитые змеи.

Холодела от ужаса майорская душа, ибо эта тварь вознамерилась сожрать его.

Словно родниковый ключ, забила в нем животворящая молитва, да так, что Алексей исшел из своего тела и даже увидел у костра свою спящую группу, и свое собственное тело.

Вмиг появился над ним Ангел Господень, в сияющем белизной снега одеянии и каким-то образом вошел в него, и полыхнул Алексей светом, да так, что бежал зверь от него весьма быстро.

Затем чувствовал майор, что поднимает его вверх какая-то неведомая сила, и взлетев высоко-высоко над землей, Алексей попал, как бы, в «водный» мир, где стекались и соединялись реки времени, одновременно он видел, как в зеркале, прошлое, настоящее и будущее.

Он шел как бы по прозрачной воде, точно посуху, и видел многие чудесные события и явления.

Так видел он Христа, с кроткой улыбкой, сидящего в лодке, с рыбаками – Апостолами, вытаскивающими сети, набитые рыбой.

Затем он был вознесен на самое высшее Небо, где на Престоле Всевышнего ему явлен был Сам Бог, Который был огромен, как Океан Абсолютной Любви, и в то же время, был как человек невиданной красоты и благородства.

Справа и слева от Него, находились два высших Ангела, сияющих небесной красотой.

Подходя к Его источающему Любовь Свету, Алексей почувствовал каждой клеточкой своей души, как и он сам стал частичкой этого божественного света и неземная сладчайшая радость слияния с Божественным, полностью захлестнула и захватила его.

Душа его пела и рвалась к единению, словно бы почувствовав возвращение в свой долгожданный дом, потому, как и он был с Богом, и Бог был с ним, и он был Богом и Бог был Им.

Вмиг, Ангел – Защитник, от которого исходила волна кротости и милосердия, тот, что справа от Бога, показал ему все хорошие дела человечества.

Это так, как если бы моментально на большом экране прокрутить всю Книгу Судеб Человечества.

При этом, добрые дела людей были так хороши, что Алексей возрадовался – это к спасению человечества!

Второй Ангел – Обвинитель, от которого исходила волна справедливого обличения греха, тот, что слева от Бога, показал ему, весьма быстро все страшные дела и злодеяния человечества.

Ужаснулся и убоился тогда Алексей – к гибели человечества все это.

Показал ему Обвинитель и Страшный Суд, когда перед сияющим Престолом Всевышнего проходит бесконечное количество людей, в огненной реке, кипящей раскаленной магмой и паром.

Над Престолом Всевышнего, на котором находился Сын Человеческий, восходила радуга невиданной красоты, совмещающая в себе обычную радугу с радужным северным сиянием.

От Престола вверх, как от Солнца Правды, исходили лучи невероятной красоты.

Впрочем, Ангел-Защитник успокоил его, что в этой огненной реке одни грешники, ни один праведный на Суд Божий не приходит!

Правда, время Суда приближается, и неизбежно произойдет, стоит лишь Удерживателю покинуть грешную землю, перейдя на Небеса.

– Ну и что будем делать с людьми? – спрашивал у него Всевышний.

На это отвечал ему Алексей в простоте любви и кротости своей: – На все Святая Воля твоя да будет!

Улыбнулся так Всевышний, как любящий Отец радуется Сыну Своему и волна благодати, любви и счастья захлестнула Алексея и он проснулся.

Растолкав поисковиков, спавших сном праведников, Алексей и его группа увидели, что у догоревшего костра они одни, Странник исчез, оставив после себя самым неисповедимым образом бьющий ключ родниковой воды, над которым самым чудесным образом расцвела белоснежная роза!

Испробовав родниковой воды и найдя ее прекрасной, группа набрала водицы во все фляги и пустые бутылки.

Целый день, вплоть до вечера, они провели в розыске, практически не отдыхая, прошагав по лесам да по болотам огромное расстояние.

Алексей вел свою группу по своему одному ему ведомому маршруту, словно бы зная наверняка, как идти и куда.

Эта практика увенчалась успехом, уже к вечеру второго дня розыска.

В кустах, у небольшой таежной речушки, они буквально наткнулись на своего разыскиваемого «потеряшку»!

– Мишулин, Сергей, – тормозил впавшего в забытие пропавшего командир группы, – вставай, сержант!

С трудом открывая глаза, Сергей Викторович Мишулин увидел группу вооруженных мужчин, в полевых зеленых камуфляжах, и тормозящего его майора, со знакомым до боли, десантным автоматом через плечо.

– Наши, – улыбнулся непослушными губами сержант Мишулин, – нашли...

– Да, нашли, – подтвердил майор, отстреливая для порядка тройку разноцветных ракет из сигнального пистолета, – мы своих в беде не бросаем!

Дальше дело было обычное, вырубив топориком жерди и смастерив из молодых деревьев нехитрую, лесную носилку, обессилевшего отставного сержанта положили на них, взялись вчетвером и, испытывая привычную боль от врезавшихся в плечи жердей, понесли найденного пропавшего без вести Мишулина к автодороге.

Быстро темнело, поисковикам приходилось пробираться с носилками через чащобу непролазных кустарников, при подходе к вдальке шумевшей проезжающими машинами дороге.

Внезапно группа натолкнулась практически в полной тьме на небольшую речку, густо заросшую ивой и прочим кустарником.

– Эх, подсветить бы, – мечтательно произнес стажер Пахомов, – да вот чем, когда купались в болотине, замочили мини-прожектор, не фурычит он ни хрена!

– Да, свет сейчас бы не помешал, – устало согласился командир группы, – правда, вот где его взять?

Внезапно, из леса, на небольшой высоте выплыл большой светящийся, серебристый шар, который на огромной скорости взмыл в космос.

На расстоянии высоты полета вертолета, шар произвел сверхмощную вспышку, от которой, волнами, разгоняя тьму, по всему горизонту, образовалась чудная радуга, похожая на обычную, только соединенную с северным сиянием.

Стало светло, как днем!

Без всякого труда и заминки, поисковики вышли на автодорогу, где к ним приближалась с включенными проблесковыми маячками и сиреной, милицейская машина, которая давно уже разыскивала их, а над ними, высоко в небе, сияла, словно бы **ВЕЧНЫЙ НЕПЕРЕХОДЯЩИЙ ЗАВЕТ**, Божественная радуга, играющая всеми переливами красок и света.

Искушение

В начале двухтысячных годов, Сергей Лосенков служил в элитной группе спецназа «Квадрант» и успел уже дослужиться до звания капитана.

Что и говорить, служба у капитана Лосенкова была весьма хлопотная, одни выезды в командировки в горячие точки, чего стояли, о них напоминал капитанский парадный китель с тяжелым рядом орденов и медалей, а так же Звездой Героя России.

Но не только награды напоминали Сергею о поездках туда, где горячо, и где, стреляя, убивают людей.

Крайне неприятный эпизод, который мучал капитана в ночных кошмарах, произошел в одной из поездок в горячую точку.

Привычно проверяя по служебной ориентировке автобус, на блок-посту, Сергей заметил в переполненном детьми автобусе, фигуру невысокой женщины, в темной одежде и накидке, скрывающей лицо.

При подходе спецназовца к ней, женщина вскочила, наблюдательный капитан заметил на ней пояс смертника, с прикрепленными к нему ручными гранатами.

Смертница попыталась рвануть чеку гранаты, молниеносная реакция не подвела Лосенкова: моментально рванув свой пистолет из спецкобуры, в одно мгновение он произвел одиночный выстрел на поражение преступницы.

Завизжав, в панике дети бросились из автобуса.

Капитан подошел к лежащей женщине, снял с ее лица накидку, и ужаснулся: на него смотрела, широко открытыми глазами, девочка лет четырнадцать от роду.

С тех пор неотступно в ночных кошмарах эти глаза преследовали его.

Конечно, капитан понимал, что если бы не его выстрел, террористка уничтожила бы весь автобус с детьми.

Понятно, что выбора в той ситуации у Сергея не было, тем не менее, он страдал и переживал, вспоминая тот день, когда застрелил по сути ребенка, чем искупишь такое?!

Хотя и получил он Звезду Героя за спасение детей, но стыдился Сергей своей Звездочки.

Даже командование капитана заметило, что с ним что-то не так, и в приказном порядке направило его в отпуск на Вологодчину, отдохнуть и развеяться на своей малой родине.

Так Сергей и оказался на том прогулочном теплоходе «Бриз», совершающем круизное плавание по Белому озеру.

На теплоходе из рупора – динамика играла какая-то современная музыка.

Присмотревшись, Сергей заметил на теплоходе много детей, вероятно школьников двенадцатичетырнадцати лет, под тентом гуляла компания из десяти – двенадцати мужчин, которая что-то праздновала, будучи уже изрядно навеселе.

Теплоход шел по озеру, валко покачиваясь на волнах.

– Разрешите присесть? – от раздумий капитана прервала молодая, эффектная блондинка, около двадцати пяти лет, – Я вам не помешаю?

– Да, да, – согласно закивал головой Сергей, – присаживайтесь, конечно, не занято!

– Спасибо, – улыбнулась девушка и представилась, – меня зовут Катя, я учитель вот этих оболтусов, сегодня школа организовала познавательный тур по озеру моему классу.

– Приятно познакомиться, – не остался в долгу капитан, – меня зову Сергей, тоже решил развеяться на водной прогулке.

Между молодыми людьми завязалась оживленная беседа, Катини школьники, зачаровано посматривали на красоты озера, из рупора-динамика судна неслась «Хмуриться не надо, Лада», а под тентом гуляла хмельная компания, и было видно, как один за другим к ней присоединялись члены экипажа «Бриза», поднимая стаканы с водкой, за здоровье именинника.

Внезапно испортилась погода, подул сильный ветер, гроыхнула молния, и зарядил мелкий дождь, все озеро покрылось крупными барашками волн.

Сергей много раз ходил по морю, и прекрасно понял, что надвигается шторм.

– Катя, – обратил внимание капитан на школьников, – почему ваши дети без спасательных жилетов?

– Так не выдал никто, – премило улыбнулась девушка, – да и погода до этого стояла прекрасная, на озере не рябинки, тишь да гладь.

Увидев быстро темнеющее небо, и растущие волны, молодая учительница нахмурилась: – Сергей, вы правы! Не могли бы вы попросить у капитана спасательные жилеты на детей?

– Конечно, могу, – заверил Катю Сергей, – и сделаю.

Встав, он пошел к рубке капитана, зайдя внутрь, он увидел «озерного волка» за штурвалом в состоянии сильнейшей алкогольной эйфории.

На столике, рядом с кэпом, стояла пара пустых бутылок водки, остатки снеди на тарелках, пустые стаканы.

– Ну, ты и хорош, – с тихим изумлением произнес Сергей, – где набратся-то успел?

– Посторонних прошу удалиться, – с пьяной бессмысленной улыбкой произнес капитан судна, – им вход воспрещен! А где набрался? Известно где, хорошие люди угостили...

В этот момент большая волна сбоку ударила «Бриз», который заметно дрогнул, кэп едва не выпустил штурвал из рук.

– Вот что, – с отвращением спросил Сергей, – на твоём корыте спасательные жилеты хоть имеются?

– Да, – коротко качнул головой пьяный, – вон в углу валяются, бери хоть все, мне не жалко. Взяв в охапку все спасательные жилеты, Лосенков вместе с Катей экипировали всех школьников спасательными средствами.

Правда, вот незадача, двум школьницам не хватило жилетов.

Сергей вернулся в рубку и сурово посмотрел на кэпа: – Земля есть поблизости? Шторм надвигается, не видишь?

При этих словах, прогулочную посудину изрядно шатнуло от сильных волн.

– Земля? – протянул пьяный, – Да, есть, поблизости остров Каменный, тебя там высадить, друг?

– Давай живо на остров, – нехорошо посмотрел на кэпа Лосенков, – скотина пьяная, ты детей везешь, всех их утопить задумал?! Где связь с берегом?

Впрочем, не дожидаясь ответа, Лосенков увидел радиостанцию слева от штурвала.

Привычно взяв в руки манипулятор рации, Сергей вызвал порт: – Порт ответь, вызывает прогулочный теплоход «Бриз»!

В рации что-то затрещало, и женский голос ответил: – Да, «Бриз», порт на связи.

– Примите информацию! – голос Сергея по командному звенел, – Теплоход «Бриз», терпим бедствие из-за шторма, на борту группа детей, производим высадку людей на остров Каменный!

– Вас поняла, «Бриз», – протрещала в ответ рация, – информацию приняли, организуем меры спасения и эвакуации!

– Давай к острову! – приказал Сергей, грозно смотря на кэпа, – Далеко еще?

– Да вот он, – обрадовано показал рукой пьяный, – подходим!

Внезапно, на борт круизника, навалилась гигантская волна, и теплоход, не дошедший до острова пару десятков метров, вдруг стал крениться и тонуть.

Первым конечно из рубки выбежал капитан, и гаркнув собутыльникам: – Тонем, спасайся, кто может!

– сиганул за борт и неуверенно поплыл к острову, туда же поплюхались в воду, как зажившие лягушки, группа пьяных отмечающих.

Никто из пассажиров, кроме Сергея и учительницы, не подумал о детях в это время.

При помощи Кати, Сергей помогал выбраться с тонущего корабля школьникам: – Давай быстрее, дорога каждая минута!

Один за другим, дети в спасательных жилетах покидали погибающий круизник.

Очередной волной, корабль сильно тряхнуло, и все вылетели за борт.

– Я не умею плавать, – плакала юная школьница, едва держась на плаву.

Сергей осмотрелся, так и есть, те, кто в спасательных жилетах, уверенно плыли к острову, лишь у двух школьниц, Кати и Сергея, не было спасательных жилетов.

Неизвестно откуда, под канонаду грозы, появилась рыбацкая лодка, мужик, сидящий в ней, крикнул:

– Эй, цепляйтесь за лодку, и живо на борт, а то вместе утонем!

Сергей, теряя последние силы, помог подняться на лодку одной школьнице, затем Кате, посмотрев на темную воду, он не заметил второй девочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.